

Глава 4. Письма читателей М. Зощенко: рецепция и источник творчества

DOI 10.15826/B978-5-7996-3520-6.24

Практика взаимодействия писателей с читателями нуждается в самостоятельном исследовании. Рукописное наследие М. М. Зощенко, содержащее значительное количество читательских писем, дает обширный материал для изучения не только читательского восприятия, но и линий художественного смыслопорождения: уникальная рецептивная картина в случае Зощенко имела активную обратную связь и находила, в свою очередь, отклик в произведениях писателя.

Приводимое ниже письмо хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (ф. 501, оп. 3, ед. хр. 412, л. 109–110). Письмо не датировано, время написания устанавливается приблизительно по содержанию.

Мне кажется (мне это не нравится)¹, Вы любите о себе рассказывать. По крайней мере, вот уже пятый, что ли, раз читаю Вашу биографию (в «*Полном собрании*»², «*бегемотиане*»³, «*Возвращенной молодости*», «*Сборнике критических статей*»⁴). А подлинно поучительно. Напрасно только, если, и это – факт, щеголяете (кажется, бравируете) своей профессией при Керенском. Хотя, безусловно, иметь номер в Астории, пролетку и что-то еще неплохо⁵. Плохо то, что (не хочу Вас обвинять – и в мыслях нет) лягаете и так жалкого главнокомандующего⁶.

---

¹ В письме отсутствует обращение.

² *Зощенко М.* Собрание сочинений : в 6 т. М ; Л., 1930–1931.

³ Имеются в виду публикации М. Зощенко в журнале «Бегемот» (1924–1928).

⁴ Отдельной книги под таким названием у Зощенко нет.

⁵ Отсылка к автобиографии М. Зощенко: «Самая пышная должность у меня была в 17-м году. После Февральской революции. Я был комендантом почт и телеграфа в Петрограде. Мне полагалась тогда лошадь. И дрожки. И номер в «Астории»».

⁶ Вероятно, имеется в виду очерк Зощенко об А. Ф. Керенском «Бесславный конец».

Отчего Моховая улица до сих пор не переименована в улицу Гончарова (он на ней жил, о чем поныне свидетельствует мемориальная доска). Забыто об авторе «Обломова»!!!

Ваша драматургия мне нравится (кроме «Свадьбы») – и «Уважаемый товарищ». Хорош был бы Л. О. Утесов⁷ (кроме гоголевского «Театрального разбеда»), и «Культурное наследие»⁸ – каким-то Вы окажетесь как сценарист? Желал бы удачи, как обычно она у Вас.

Характерно, что от неврастении (или ипохондрии или чего-то там иного) уезжали в обывательское Царское Село⁹. Нет, Вам был бы скучен мир без Семен Семеновичей Курочкиных и Пашкиных¹⁰.

Очень мучает меня, искренно ли (перевоспитание?) все – и Федин, и А. Толстой, и Замятин, и Булгаков – «включились в соц. Стройку». При основном хотя бы согласии – неужели нет мелких расхождений, частных (как у Вашего Волосарева¹¹, что ли?)

С удовольствием пойду опять на «Дни Турбиных»¹². Исключительно мне этот мхатовский спектакль прошлым летом понравился. В особенности, до слез потрясли защитники «единой неделимой» – гимназисты, кадеты, с ломающимися голосами, гусиными шеями, курносые мордами. Вспомнилась, безусловно, и своя гимназическая шинель (собственно пальто), только променял ее на советское пальто без сожаления – был, к сожалению, что-то вроде околопартийным (без какого-либо когда-либо парт-комсомоленства). А где писатель Булгаков живет? В Москве, что ли?

Не люблю современного Горького. И не за советское гражданство, а за старческий маразм (плачет многим в жилетку – как горючил Маяковский¹³, у него это, безусловно, искренно). В комнате

---

⁷ Л. О. Утесов исполнил главную роль Барбарисова в спектакле «Уважаемый товарищ!», премьеры которого состоялась в Ленинградском театре сатиры 17 мая 1930 г.

⁸ Название одноактной комедии М. Зощенко.

⁹ В Детском (Царском) Селе проживал главный персонаж повести Зощенко «Возвращенная молодость».

¹⁰ Имена персонажей Зощенко.

¹¹ Правильно – Волосатов, герой повести Зощенко «Возвращенная молодость».

¹² Спектакль «Дни Турбиных» в постановке МХАТа шел с 1926 по 1929 г., затем был восстановлен в 1932 г. и шел до 1941 г.

¹³ Отсылка к автобиографии В. В. Маяковского: «Поехал в Мустамьяки. М. Горький. Читал ему части “Облака”. Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете. Все же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея...»

у себя даже два года назад снял портрет Горького. Когда же читаю его публицистику, приходят на ум такие аналогии:

«...если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, – тоже пойду рядовым бойцом в его армию» (М. Горький. «Уничтожение бесчеловечия»).

«...речь заходила часто о политике. Гость... рассказывал о предстоящей войне, и тогда Афанасий Иванович часто говорил как будто не глядя на Пульхерию Ивановну: «Я и сам думаю, пойти ли на войну» (Тоголь. «Старосветские помещики»).

Услыхал в трамвае (в 1931 г.).

Остановка 9-ки¹⁴ на бывшей Владимирской площади. Кондукторша (кричит): «Площадь Нахимсона». Какой-то досужий остряк: «Собор Нахимсоновой божьей матери»¹⁵.

«Между нами все порвато» (современное причастие).

Паразитально, как популярно (повсеместно употребительно) в настоящее время обращение «хозяин» (или «хозяйяка»). С чего бы, кажется, так относиться к человеку в эпоху ликвидации частной собственности. Или это влияние деревенского диалекта? Или «хозяин» потому, что мы все «хозяева»?

На книжном базаре у Казанского Собора (октябрь 1933 г.) в киоске Изогиза¹⁶ продавались портреты Блюхера, Ворошилова, плакаты антирелигиозного содержания и даже карикатура на лорда Чемберлена. В киосках Гиза классиков в продаже не было.

Цитата кстати:

Придет ли времечко,
Когда народ не Блюхера¹⁷,
И не милорда глупого¹⁸
Белинского и Гоголя с базара понесет¹⁹.

¹⁴ Описанный маршрут трамвая № 9 действовал в Ленинграде с 1931 по 1932 г.

¹⁵ С XVIII в. площадь называлась Владимирской в честь находящегося на ней собора Владимирской Божьей Матери. В советское время с 1923 г. носила имя большевика-революционера С. М. Нахимсона. В июле 1950 г. площади было возвращено ее прежнее название.

¹⁶ Издательство изобразительного искусства существовало с 1930 до 1938 г.

¹⁷ В письме дважды упоминается фамилия «Блюхер». В первом случае («портреты Блюхера») имеется в виду маршал Советского Союза (1890–1938), в цитате Некрасова – автор народных комедий.

¹⁸ Речь идет о произведении писателя XVIII в. Матвея Казакова «Повесть о приключениях Английского Милорда Георга».

¹⁹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 т. Л., 1982. Т. 5. С. 35. Автор письма допустил ряд неточностей при цитировании.

А что и поныне народу Белинский??? И ни-ког-да не будет оно – это имя народу известно, близко, понятно.

Будьте здоровы.

Ваш читатель.

Читатель, излагая откровенные взгляды на эпоху и культуру, пожелал остаться безмянным. Тем не менее из содержания письма вырисовывается достаточно объемный образ петербуржца-ленинградца. Можно с определенностью сказать, что автор письма не испытывает восторга от современности, но не потерял личного достоинства и вполне в духе русского интеллигента-демократа XIX в. оценивает происходящее. Из текста письма видно, что корреспондент получил образование в предреволюционные годы: *«Вспомнилась, безусловно, и своя гимназическая шинель...»* Далее автобиографические строки разворачиваются в гоголевскую метафору, и собеседник сообщает писателю, что гимназическую шинель он *«променял... на советское пальто без сожаления»*. Неоднозначность оценки действительности и своей роли в ней выдает следующая фраза-оправдание в том же предложении: *«был, к сожалению, что-то вроде околопартийным (без какого-либо когда-либо парт-комсо-членства)»*.

Язык письма – нормативная лексика, но это живой язык своего времени, лишенный, однако, советских штампов. Автор письма обращает внимание писателя на изъяны словоупотребления тех лет (*«порвато» – современное причастие*), свойственные и лирическому герою рассказов Зощенко, остро воспринимает происходящее вокруг – ему по душе постановка булгаковских *«Дней Турбиных»*, его не устраивает современный Горький. Взыскательно подходит и к произведениям своего адресата: одобряет документальные вещи, драматургию, а вот автобиографические этюды ему явно не по вкусу. От его пристального взгляда не ускользнуло гипертрофированное внимание писателя к самому себе. Тщательно анализируя свой внутренний мир, Зощенко пытался разобраться в общих законах человеческой психики. Читателю же это кажется самолюбованием.

Обращает на себя внимание доверительность интонации, с которой ведется разговор. Например, писатель с подкупающей открытостью задает вопрос о степени искренности писателей К. Федина, А. Толстого, Е. Замятина, М. Булгакова по отношению к «социалистической стройке». Вполне очевидно, что в массовом общественном сознании существовал некий зазор между официальной идеологией и реальной ментальностью общества. Этот же вопрос остро стоял и по отношению к самому писателю, автору книги «История одной жизни» (1934).

Читательские «низы», помимо официально принятых оценок, сами стремились определить степень самостоятельности позиции того или иного художника. Из письма ясно, что Зощенко в восприятии читателя стоит несколько обособленно от «генеральной линии». Но это не оппозиция, какой нет и в строках данного письма. Письмо демонстрирует приятие действительности как таковой – оно дышит жизнью, несмотря на то, что за его торопливыми и отрывистыми строчками слышится скрипучий голос пожилого брюзги. Присутствует прежде всего личность, которая в состоянии самостоятельно мыслить и оценивать происходящее, читатель представляет собой феномен зощенковско-го корреспондента, способного сознательно или подсознательно настроить писателя на ту творческую волну, которая стала для него наиболее плодотворной. Он предлагает готовые зарисовки ленинградского быта, полные искрометного, с примесью горечи, юмора (чего стоит хотя бы «*Собор Нахимсоновой божьей матери*»); приглашает порассуждать о казусах современного языка – явление ушло, а слово (в данном случае «*хозяин*») получило широкое распространение; выстраивает литературные аналогии – все это он щедро отдает писателю. Письмо не датировано, но упоминаемый в нем 1933 г. может быть хронологическим ориентиром: оно не могло быть написано ранее этого года, так же, как и не могло быть написано после 1938 г., поскольку в нем говорится о широкой торговле портретами Блюхера (после гибели в 1938 г. в застенках НКВД все его портреты из продажи были изъяты). Упоминание Е. Замятина как живого сужает последнюю дату написания до марта 1937 г. Судя по эмоционально-бытовым интонациям письма, по свободе мысли – автор еще не охвачен страхом, не чувствует для себя угрозы от государства, – письмо

написано еще раньше, скорее всего, в первой половине 1930-х гг. Упоминание про «соц. стройку» и в то же время отсутствие реакции на книгу Зощенко «История одной жизни» об этой стройке, вышедшую в 1934 г., сужает крайнюю дату письма до этого года.

В фонде М. М. Зощенко в Рукописном отделе ИРЛИ сохранилась подборка читательских писем (48 листов) с отзывами на книгу «История одной жизни» (1934–1939), что представляет несомненный интерес с точки зрения социологии литературного процесса. Одним из показательных эпизодов в судьбе Зощенко является его участие в кампании, связанной с посещением Беломорско-Балтийского канала, на строительстве которого использовался труд заключенных. Итогом посещения стал вышедший в мае 1934 г. тиражом 3 тыс. экземпляров монументальный том «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства, 1931–1934 гг.» под редакцией М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина.

Зощенко, не участвуя в коллективных главах, дал в сборник рассказ (или же короткую повесть) «История одной перековки», представленный как художественная обработка авантюрного материала – воспоминаний крупного международного вора. В 1934 г. это произведение вышло в Ленинграде отдельной книгой под названием «История одной жизни». Ряд корреспондентов, прочитав повесть, поспешили выразить солидарность с его главным героем, а также поведать свои собственные жизненные истории. Письма читателей к Зощенко свидетельствуют о непростом времени и непростом состоянии умов; они интересны как особый тип массового творчества, связанного с мифологизацией автобиографий, создаваемых неосознанно и добровольно. Общественное сознание любого общества традиционно находится в сфере интересов власти, «обладающей возможностью заставить или убедить других людей действовать определенным образом или по определенным правилам»²⁰. Идеология программирует особый тип сознания, носители которого побуждаемы к совершенно искреннему говорению, который демонстрируют приводимые ниже письма. Вероятно, мы имеем дело с определенным психологическим явлением, своеобразным массовым творчеством эпохи, когда иде-

---

²⁰ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996. С. 62.

ологические мифологемы так прочно входили в сознание людей, что становились ориентиром, моделями для восприятия мира и самоидентификации себя в нем. Говоря словами самого Зоценко, «тут будут разные сложные и сердечные переживания <...>, а также рассуждения и добровольные высказывания <... > о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях»²¹.

Автор приводимого ниже (в выдержках) письма подробно излагает содержание произведения:

<...> В рассказе изображается строительство Беломорского канала. Его строили бывшие государственные преступники, контрреволюционеры, воры, бандиты и др., одним словом, все заключенные концлагеря. Своей поездкой на Беломорстрой, своими собственными глазами Михаил Зоценко видел там всяких людей и заинтересовали его те люди: «Которые сознательно строили свою жизнь на праздности, воровстве, обмане, грабежах и убийствах». Он видел в одном из лагерей Беломорстроя, где был устроен слет ударников этого строительства.

По словам Зоценко: «Это был самый удивительный митинг из всех, которые когда-либо видел». На трибуну выходили бывшие воры, бандиты, авантюристы и докладывали собранию о произведенных ими работах, а также и о своей прежней жизни, о прежних мытарствах и преступлениях. «Это были речи о перестройке всей своей жизни и о желании жить и работать по-новому».

И среди этих ораторов и докладчиков выступил человек лет сорока и произнес речь о своей прошлой жизни, о заграничных скитаниях, о тюрьмах, в которых он сидел, а также, что он сделал тут, и что он намерен делать в дальнейшем. «Этот человек был известный международный вор, фармазон и авантюрист, ныне получивший почетный значок за свою отличную и даже героическую работу на строительстве. Этого человека звали Абрам Исакович. Этот человек за несколько дней до своего выхода на волю написал свою биографию». И Михаил Зоценко посвятил этой биографии в литературной обработке целый увлекательный и интересный рассказ. В апреле 1932 г. этот человек был отправлен ГПУ на строительство Беломорского канала, где ему очень не понравилось.

Работа для него была очень тяжелая, так как он «никогда не работал и считал работу за преступление и за позор».

---

²¹ Зоценко М. Возвращенная молодость. Голубая книга. Перед восходом солнца / [сост. и примеч. Ю. Томашевского ; послесл. А. Гулыги]. Л., 1988. С. 7.

И давал работы мало всего 30, а то и 20 %. Только после беседы его за чашкой чая с Сапроновым, на другой день этот сорокалетний человек из симпатии к нему стал давать 87 %, затем 140 % и 150, и вся бригада, в которой он работал, стала давать больше 100 %. После этого за ударную и героическую работу он был назначен в своей бригаде младшим воспитателем, где он организовал 6 трудовых коллективов. Затем он был назначен комиссаром пятого участка и старшим воспитателем, и в конце своего выхода на волю он был шеф штрафного изолятора и инструктор К.В.Ч.

Он пробыл в лагере полтора года. И вышел «отсюда с таким сознанием, как будто у меня не было прошлого, а есть светлое будущее». На этом заканчивается описание жизни нашего героя. Мих. Зощенко желает своему герою успеха в новой его жизни и оправдания всех надежд.

Его преступному миру приходит крах. Он хочет «жить в такой стране, где двери не будут закрываться на замки и где будут позабыты печальные слова: грабеж, вор и убийство». Этот рассказ читается с исключительным, захватывающим интересом.

Рождение нового социалистического, перевоспитанного человека – вот что дает в своей книжке Мих. Зощенко.

Я также читал его же «Рассказы» ГИХЛ: 1934, стр. 61. цена 25 коп., тираж 100 000 экз.

От этих рассказов я получил большое впечатление и смех.

Мих. Зощенко является крупным мастером сатиры и юмора в советской литературе.

Его веселые, смешные, юмористические рассказы как у Чехова с первых же строк привлекают и заинтересовывают советского читателя. Отсюда его произведения имеют большие и художественные достоинства перед читателями и перед русской пролетарской литературой.

Интерес и литературное значение рассказов Зощенко неоспоримо для всякого, прочитавшего их. Они выдвигают Зощенко в первые ряды самых талантливых писателей нашего времени.

Мы, читатели, ждем от вас, писателей, лучших и интересных произведений, в которых была бы отражена вся наша действительная, многообразная жизнь и работа.

Мы знаем, что книга – лучший друг человека. <...>

Колхозник колхоза 10-го Октября Бяратинского с/с Воловский р-н, Московской обл.,

Михаил Комаров, 18 лет²².

---

²² Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. № 501. Ед. хр. № 400. Л. 2–5 об.

Адресант процитированного письма отличается от предыдущего независимого корреспондента-интеллигента. Он вторит пропагандистской кальке, не замечая либо намеренно упуская присутствующее в книге сравнение «перековавшегося» вора с Б. Челлини, знаменитым итальянским авантюристом. Плутовской подтекст остался незамеченным и критиками, сурово осудившими Зоценко за это произведение.

Автор другого письма сочетает стереотипные лексические формулы эпохи с попыткой вписать свою собственную жизнь в заданные параметры. И рассказ Зоценко служит хорошим образцом для этого.

...1935 год. 20 августа. Я, Старостин М. А., сегодня случайно увидел у своего товарища по службе книжонку под заглавием История одной жизни. Автор «Михаил Зоценко». Эту книжонку я взял у товарища и тут же прочел ее потому, что история такой жизни меня очень интересует, то есть я ошибаюсь, меня интересует не такая жизнь, какой жил, про кого пишет Зоценко, а меня интересует то, как в нашем Советском Союзе перековывают людей, где большую заботу проявляет к жившим людям наша партия ВКПб. Наше пролетарское правительство и вождь пролетариата Сталин. Я выражаю свою благодарность автору данной книги, где он отражает действительность, что только Советский Союз переделывает людей. Мы видим, что бывшего афериста Р. ни одна страна, где существует капитализм, не могла его перевоспитать, да там, где воспитывают дубинками и где есть капитализм и есть пережитки и только у нас в Пролетарском государстве сумели воспитать, переделать Р. и не только Р., но еще много десятков тысяч таких и даже еще больше имевшего за собой прошлого. Это произошло потому что мы осуществляем лозунги нашей партии и вождей Ленина–Сталина а построение бесклассового общества, которое строится у нас самих на глазах и участниками строительства являемся мы сами.

Этих людей нам приходится воспитывать и мы их воспитываем и немного воспитали. Все эти люди нам достались в наследство от существовавшего капиталистического строя, который сам старый строй заставлял быть преступником и мы знаем ни одна капиталистическая стране сумеет и не сумела бы воспитать Р.

Это осуществимо только у нас, где хозяевами является сам пролетариат и руководит страной наша родная партия больше-

виков и ее вождь т. Сталин. Там никогда не допустят, чтобы человек сделался преступником, например, я хочу описать случай со мной. Я родился в 1911 году <Толдамский> район дер. Жуковка Московской области. У меня в 19 году умер отец и мать вышла замуж за другого и жили мы совсем бедно но я все же благодаря заботе государства я проучился и окончил сельскую школу и после работаю по найму четыре года у <поляка> Бахметова дер. Высочки <нрзб> района и 1929 г. я был <активной> был секретарем комсомольской ячейки но был еще мал в то время у нас организовали колхоз куда моя мать не пошла и мне пришлось от нее уйти и вступить в колхоз помочь, а мать меня в то время ненавидела презирала и мне пришлось молодому 18 лет уехать из деревни и бросить комсомол, мне было трудно, но ничего не поделаешь, пришлось расстаться и я поехал в Крым, где в Севастополе Симферополе блатовал целый год воровал, просил и т. д. Но это мне не нравилось. Я сочувствовал, что в нашей стране заботятся о людях, тогда я решил задуманное бросить, зная что мне наше государство окажет поддержку где я устроился работать в <нрзб> на торф разработки и в 1931 году мне захотелось самому вести борьбу с теми, кто хочет делать преступления. И я устроился юношей 19 лет работать младшим милиционером Талдомского района Московской области где я работал активно и меня командование назначило участковым инспектором по уголовным делам Талдымского РУМ. И мне правительство доверило эту работу с которой я справлялся и сейчас я уже служу в армии, в войсках НКВД. Скоро заканчиваю службу, где я за свою службу научился разбираться хорошо в политике и имею авторитет здесь²³.

Налицо глубокое и искреннее сопереживание литературному персонажу. Пропагандистская технология навязывала определенные стандарты поведения, образ мыслей и даже реакций на происходящее, к каковым можно отнести и творчество подобного рода. Письма демонстрируют знакомство их авторов с основными канонами биографического и автобиографического мифотворчества. Существование общества в таких условиях формирует своеобразный менталитет и вызывает определенные переживания, в том числе и эстетические. Особый статус «социалистического рабоче-крестьянского» государства требовал

---

²³ Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. № 501. Ед. хр. № 400. Л. 7–10. Письмо приводится в выдержках.

разработки объединяющей массы идеологии на основе классово-общности, видя врагов в тех, кто к этой общности не принадлежал. Для массовой ментальности характерен коллективизм, агрессивная позиция к «отщепенцам», преклонение перед вождем. Такой тип личности, складывающийся в условиях тотальной политизации, Х. Ортега-и-Гассет назвал «массовым человеком». Таковыми являются и авторы писем. Колхозник Михаил Комаров и служащий НКВД М. А. Старостин оказываются в той же повествовательной нише, что и герой-повествователь «Истории одной жизни», бывший рецидивист Р. Авторская позиция Зоценко, казалось бы, находится в аналогичной плоскости: «...Я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и удивительное изменение психики у многих заключенных»²⁴. Самый распространенный вариант читательского восприятия: писатель «сломался» и лицемерит. Подобным образом рассуждает бескомпромиссный В. Шаламов: «Наступила длительная полоса увлечения пресловутой “перековкой”, той самой перековкой, над которой блатные смеялись и не устают смеяться по сей день <...> Отдал дань “перековке” и М. Зоценко, написав скучную документальную повесть “История одной жизни” об исправлении международного фармазона на канале. Даже губы скривить в улыбке не захотел – только восхищался и удивлялся, обводя чернилами бурную жизнь нового Бенвенуто Челлини»²⁵.

Решая традиционные для него ницшеанские вопросы²⁶ о статусе личности, о соотношении социального и природного («звериного») начала, Зоценко воспользовался возможностью исследовать личность, «имеющую право» на выживание. Сквозное сравнение с аферистом Б. Челлини, человеком, плутовски подыгрывающим властям, поддерживает эту версию. «Ощущением победы “зверя” над человеком и жизни – над культурой, собственно говоря, – и проникнуто все “классическое”

²⁴ Зоценко М. М. История одной жизни. Л., 1934.

²⁵ Михайлов О. В круге девятом. Варлам Шаламов // Слово. 2003. № 10, 14 марта.

²⁶ Для Зоценко на протяжении всего творчества оставалась актуальной проблематика рубежа XIX–XX вв., где ницшеанские идеи фокусируют целый спектр взаимопересекающихся художественных идей.

творчество Зощенко, которое обычно считают исключительно сатирическим, высмеивающим некультурного человека. На самом же деле, как представляется, отношение писателя к своему герою в это время амбивалентно: слегка тоскуя по утраченной культуре, он преклоняется перед здоровой наивностью и жизненной силой “нового героя”, как когда-то преклонялся перед варваром Ницше»²⁷.

Идеология рассказа «Огни большого города» (1936) строится по уже знакомой формуле. Но теперь «перевоспитывается» пожилой крестьянин, приехавший в Ленинград навестить большого сына. Старик становится объектом колкостей и насмешек со стороны окружающих, что провоцирует проявление самых негативных черт его характера. И только благодаря постовому милиционеру, который уважительно объяснил старику дорогу и отдал при этом честь – «маленький жест почтения и вежливости, рассчитанный в свое время на генералов и баронов»²⁸, возникает эффект перевоспитания.

«Милицейская» тема не была новой для Зощенко. Но заметна определенная эволюция. Так, в 1924 г. в рассказе «Нервные люди» повествователь совсем без пиетета описывает стража порядка: «Тут какой-то паразит за милицией кинулся. Является мильтон. Кричит: “Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!”»²⁹. В 1930-е гг. описание представителей власти становится другими. В рассказе 1935 г. «На дне» продолжается тема «перековки» воров: «Отчасти, конечно, многие перековались, а некоторых, как говорится, не устраивает выбор ассортимента. Вдобавок ко всему наша милиция и уголовный розыск поднялись на недостижимую высоту»³⁰.

Сусальная персонификация представителя власти в рассказе Зощенко вызвала негодование у части читателей. В архиве сохранились некоторые из их писем. Приводимое ниже письмо дается в сокращении.

---

²⁷ Кадаш Т. В. «Зверь» и «неживой человек» в мире раннего Зощенко // Лит. обозрение. 1995. № 1. С. 48.

²⁸ Зощенко М. Огни большого города // Зощенко М. Голубая книга. М., 1989. С. 471.

²⁹ Зощенко М. Нервные люди // Зощенко М. Голубая книга. С. 390.

³⁰ Зощенко М. На дне // Зощенко М. Голубая книга. С. 462.

Уважаемый т. Зощенко!

7/XI – 36 г. мне пришлось читать Вашу статью в газете Известия озаглавленную «Огни большого города».

Этой статьей Вы наверное хотели поднять уважение к милицейским работникам и в ней Вы восхищаетесь маленьким жестом «почтения и вежливости», но очень часто этот жест служит ширмой серости, скотского отношения к человеку, подлости и издевательству. Сколько раз мне приходилось употреблять громадное усилие над собой, лишь для того чтобы сдержаться и не ответить на этот жест «почтения» поддечиной. На сегодня наша милиция немногим отличается от полиции и оставляет желать много лучшего. Ведь тот факт, что в милиции, особенно постовыми служат нежелающие работать, зараженные властолюбием. Неужели Вам неизвестна вся подоплека «продвижения по службе» в милиции?

Это «продвижение» основано довольно подленько. Это не жест «почтения», а ханжество и лицемерие – показная культура. Это «милая сволочь». Это такая гадость – это я даже слов не могу подобрать. Очень часто наша милиция делает поступочки, которым позавидовала бы фашистская полиция.

Неужели по-вашему ценно то, что делается с человеком под нажимом?

Это ведь все равно, что поцелуй Иуды, отдает честь, а сам злорадует «попался мол». В рядовых милиционерах служат самые серые солдафоны.

Вы наверное потребуете фактов? Пожалуйста! Во всех отделениях (по Москве) вывешено объявление: «На все неправильные действия милицейских работников – жалуйтесь в бюро жалоб Р. К. милиции». По простодушию я пошел однажды в это «бюро жалоб», но был выгнан нач. этого «бюро» гр. Бричкиным. Для меня это что-либо значит. Второе: 7/XI с/г при мне, слышал своими ушами, один пеший милиционер говорит другому – конному – «да что с ними долго церемониться – поезжай прямо на них». Это на публику, смотревшую на проходивших демонстрантов – что тот не задерживая и проделал и при этом его лошадь повалила с ног мою жену, это по-Вашему «жест почтения».

Еще примерчик: 8/XI на театральной площади, в трамвай, на ходу вскакивает вылощенный милиционер и становится на площадке, в белых перчатках, в новой шинели и каске, в начищенных сапогах, но сразу делает несколько плевков на пол вагона, когда я ему это заметил, то получил в ответ «в отделение захотел?» и тот-

час же соскочил (опять же на ходу) с вагона (на ходу прыгал – наверное пример показывал). А в отделение приведет, скажет: «На ходу сошли». И это будет закон, так что я пожалел, что сказал ему.

Вам надо бы посмотреть, как милиция издевается в ОРУДЕ на Каретном ряду № 7 над шоферами. Там с людьми обращаются как с собаками. <...>³¹

Продолжение письма лишь увеличивает перечень примеров полного беззакония и неуважения представителей власти и блюстителей закона к гражданам. Здесь нет речи об арестах или репрессиях, но общая атмосфера вопиюще безнравственного поведения советской милиции и перечень фактов неуважения к людям хорошо воспроизводят истинную психологическую картину общества второй половины 1930-х гг.

С одной стороны, читатель осуждает Зощенко за недостойное изображение милиции, а с другой – его высказывания настолько рискованны, что будь он уверен в полной лояльности писателя к власти, он бы опасался подобной откровенности. В этом заложена одна из глубинных внутренних черт творчества художника – пробуждать в людях чувство самоуважения. Являя в своем собственном творчестве феномен всепроникающего недоверия к внешнему миру, подобной «поэтикой недоверия» писатель в то же самое время вызывал глубокое доверие у читателей. Письма, сохраненные писателем, свидетельствовали о его гражданском мужестве, поскольку столь откровенные высказывания, хранящиеся в его архиве, могли уже сами по себе стать «компроматом». А если принять во внимание, как серьезно относился Зощенко к письмам читателей, зачастую извлекая из них сюжеты и идеи для своих художественных произведений³², то можно допустить, что писатель мыслил свой текст гораздо шире непосредственно вышедшего из печати. Сюда допускались и творимая биографическая легенда, и сложные интертекстуальные диалоги, и, безусловно, тщательно хранимые письма читателей.

---

³¹ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. № 501. Оп. 3. Ед. хр. № 396. Л 26–27, об.

³² См. об этом: Колесникова Е. И. «Мелкий случай из писательской жизни» (М. Зощенко и читатели) // Михаил Зощенко : материалы к творческой биографии. СПб., 2001. Кн. 1. С. 221–225; «Письмо написано, отправлено...» // Там же. Кн. 2. С. 344–349.

Так, включение произведений Михаила Зощенко в широкий контекст культурно-исторических и политических реалий помогает воссоздать контуры биографии, индивидуального опыта писателя и выявить особый тип его творческого поведения. «Как и политическая история того периода, его судьба кажется нам какой-то странной, иррациональной, но задним числом романтической круговертью, которая могла иметь место лишь в определенной стране (России) и в определенное время (начало двадцатого века)»³³.

К концу 1930-х гг. Зощенко в своем творчестве все чаще делает опору на устойчивые мотивы и архетипы и интертекстуальные связи³⁴. Действуют механизмы психологической проекции на сюжеты произведений. В сознании людей прочно поселяется чувство страха, тотальной несвободы, ежечасное ожидание подвоха и предательства. В эссе «Четвертая проза» (1929–1938) О. Э. Мандельштам, продолжая тему «ворованного воздуха», презрительно писал о сломленных литераторах: «Животный страх стучит на машинках, животный страх ведет китайскую правку на листах клозетной бумаги, строчит доносы, бьет по лежащим, требует казни для пленников. Как мальчишки топят всенародно котенка на Москва-реке, так наши взрослые ребята играючи нажимают, на большой перемене масло жмут: – Эй, навались, жми, да так, чтобы не видно было того самого, кого жмут, – таково освященное правило самосуда»³⁵.

Подробно эта проблема проанализирована А. К. Жолковским: «Начиная с 1930-х годов сказочность становится универсальным ключом к советскому “коллективному бессознательному”. Если в течение революционного периода сказочность последовательно рационализируется, то в тоталитарной культуре сказочность служит источником иррационального архетипического содержания, из которого строится советский мифомир»³⁶.

³³ Иванов Р. О. Рассказы Михаила Зощенко: жертва революции // Лит. заметки. URL: [tp://1001.vdv.ru/arc/lit_zametki/issue4/](http://1001.vdv.ru/arc/lit_zametki/issue4/)

³⁴ Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. 2-е изд., испр. М., 2007.

³⁵ Мандельштам О. Собрание сочинений : в 3 т. Нью-Йорк, 1971. Т. 2. С. 177–192.

³⁶ Липовецкий М. Сказковласть: «Тараканище» Сталина // Новое лит. обозрение. 2000. № 45.

Если рассматривать на уровне «бессознательного» творчество Зощенко конца 1930-х – первой половины 1940-х гг., то, по наблюдению Жолковского, даже на уровне заглавий прорисовывается глобальное «недоверие» и надежда на сохранение и восстановление целостности личности в сложившихся обстоятельствах.

С этой точки зрения рассказ Зощенко «Испытание», написанный в начале 1940-х гг., после проигранной финской войны, является собой яркий пример³⁷. Герой сообщает о своем мнимом физическом увечье своим близким и ждет, как это будет воспринято.

Письма читателей к Зощенко дают подтверждение огромной популярности сюжета «испытания увечьем» в конце 1930–1940-х гг. В мае-июне 1940 г. М. Зощенко получил письмо от читательницы Казицкой, в котором говорилось:

Товарищ Зощенко! Напишите, пожалуйста, рассказ, у Вас выйдет это очень хорошо! Один женатый гражданин, у которого уже был сын, полюбил другую женщину и стал с ней жить, а первую жену бросил. Потом его призвали в Красную Армию, и он попал на Финский фронт. После окончания войны этот гражданин пишет своей второй жене – я ранен, у меня нет рук и ног, напиши мне: согласна ли ты взять меня к себе, или нет? – Вторая жена ответила, что она не может его взять к себе, потому что не может его всю жизнь кормить и ворочать его, пусть лучше он останется в учреждении государства, где за ним будут ухаживать. Тогда он написал первой жене: я тяжело ранен, у меня нет рук и ног, напиши, согласна ли ты взять меня к себе?

Первая жена ответила: видно уж так суждено, что жить мне с тобой, какой ты есть сейчас. Горько плачу о твоём ранении, но тебя я беру, только напиши, куда мне приехать за тобой и как доехать, чтобы взять тебя. Я буду работать, буду кормить тебя, а там сын подрастет, будет работать.

А через несколько дней входит к первой жене военный, грудь в орденах. Вполне здоровый, это и был ее муж. Весь двор сбежался смотреть на героя Красной Армии и не замедлили по прямому проводу из уст в уста передать второй жене о случившемся. Можно узнать и подробности этого прекрасного случая. Казицкая. Здесь 66, ул. К. Маркса, д. 20, кв. 13, тел. Е-1-95-99, доб. 1-й 28/5-40 г.³⁸

---

³⁷ См. об этом: Колесникова Е. И. «Мелкий случай» из писательской жизни. С. 221–225.

³⁸ Письмо опубликовано в сб.: Михаил Зощенко : материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 222.

Автор письма уподоблен сказочному герою – он испытывает жен обманном увечьем, подобно тому, как неприглядным обликом испытываются герои сказок «Царевна-лягушка», «Аленький цветочек», «Василиса Прекрасная» и др. Судя по тону письма, писавшая его женщина верит в реальность рассказываемого или точно знает о происшедших событиях. Зоценко откликается, по всей видимости, на это письмо рассказом. Во всяком случае, хронологическая последовательность письма и первой публикации «Испытания» («Крокодил», июль 1940) этому предположению не противоречат.

Уловив достаточно традиционный мотив «испытания» (архетип «красавица и чудовище»), писатель вынес его в заглавие рассказа, поставив тем самым свое повествование как в ряд устной сказовой традиции, быличек, так и в ряд литературной традиции святочных рассказов, о которой он писал еще в 1925 г.: «Нынче святочных рассказов никто не пишет. Главная причина – ничего такого святочного в жизни не осталось»³⁹.

Предложенный читательницей сюжет расширен за счет подробностей о быте семьи, о жизни «девушки-разлучницы». (Кстати, этот мотив отчасти был включен в образ девятнадцатилетней девицы, ради которой солидный семьянин покинул жену, – «Возвращенная молодость», 1933.) Писатель использует арсенал наработанных образов, как это делается в сказке, поскольку в этом рассказе главное интрига, а не герои. Житейская история, несколько распространенная за счет деталей, переключивается из письма читательницы на страницы художественного произведения.

При сопоставлении короткого письма и рассказа, более насыщенного деталями, мы не находим не только сюжетных, но и существенных стилистических различий. Писатель максимально приблизил свой язык к манере своей корреспондентки. Почти дословно пересказываются ответы обеих жен, особенно

³⁹ Зоценко М. Святочная история // Бегемот. 1925. № 50. В 1934 г. рассказ был включен в раздел «Деньги» цикла «Голубая книга» под названием «Таинственная история, кончившаяся для одних печально, для других удовлетворительно», в слегка переработанном виде. Ушел святочный зачин, сюжет был жестко сориентирован на заявленную в рубрике тему. Память святочного жанра могла сыграть определяющую роль при оформлении сюжета «Испытания».

точен Зощенко в передаче письма первой жены, «выдержавшей» испытание: «Милый друг, Иван Николаевич, горько плачу о твоём ранении. Видно, уж суждено нам жить с тобой вместе. Зачем ты спрашиваешь – возьму ли я тебя к себе? Отпиши немедленно, куда за тобой приехать? Я буду работать. А там наш Петюшка подрастет, и все будет в лучшем виде»⁴⁰.

Этот пример переработки письма в рассказ очень показателен для творческой манеры Зощенко. И это не «потрафление» невзыскательным вкусам читателей, а сложившаяся манера работы, способ сбора материала. Писатель сохраняет свой традиционный подход к оценке человеческой судьбы как «стихии страстей», погружается внутрь человеческой природы. Поэтому он охотно использует «бродячие» сюжеты.

Но история рассказа «Испытание» на этом не закончилась. Вскоре после его появления в печати пришло письмо от студентки-филолога, автора рассказа на аналогичный сюжет:

Москва. 11/IX – 40 г., среда.

Дорогой товарищ Михаил Зощенко!

Я имею обыкновение просматривать журналы «Крокодил» по мере их выхода в свет. Но летом я уехала в «глушь», где живут люди, обделенные неподражаемым юмором «Крокодила», и июльский номер попался мне на глаза только вчера. Да и то, лишь потому, что друзья сочли своим долгом обратить мое внимание на небольшой фельетон «Испытание» под Вашей, хорошо нам известной, подписью. Я прочитала Ваш фельетон раз, потом другой и все-таки не могла выйти из состояния глубокого недоумения.

Дело в том, что я немного пишу. Я, перо, бумага чувствуем взаимную симпатию друг к другу, и в результате моим друзьям приходится время от времени терпеливо выслушивать плоды моего творения. Имя мое Вам совершенно неизвестно по той простой причине, что ни одно из моих произведений не пыталось пробиться в печать. Просто я считаю себя еще недостаточно зрелой и ответственной для такого ответственного выступления.

Но, повторяю, друзьям и знакомым я читаю почти все, что пишу. И вот, в феврале месяце этого года я прочитала им мой новый рассказ на «финляндскую тему». Рассказ был придуман мной, в свойственном мне стиле. Друзья услышали рассказ о трагиче-

---

⁴⁰ Зощенко М. Голубая книга. С. 515.

ской ситуации, сложившейся между супругами во времена войны с Финляндией. Некоторые хвалили, некоторые горячо начинали обсуждать вопрос о браке, любви и долге. Некоторые ругали...

Словом, все шло как и полагается. Я хотела послать рассказ в один из наших многочисленных журналов, но подходили сессия, доклады, весна... Некогда! И вдруг в «Крокодиле» я читаю фельетон Михаила Зощенко «Испытание». Глаза лезут на лоб! Мой сюжет! Моя «Ошибка»! Ничего не понимаю! Даже некоторые фразы и выражения кажутся мне родными и близкими. Те же письма, тот же прощальный ответ жены, тот же орден... Стиль, или, если можно сказать, тон рассказа у меня несколько иной – ведь Зощенко у нас один – но все-таки это поразительно. Моя трагедия, превращенная умелым пером в любопытную историю. Почему такое исключительное совпадение мыслей? Откуда пришел к Вам этот сюжет? Меня интересует это с психологической точки зрения. Помните, в «записной книжке» Ильфа говорится, что мысль, пришедшая в голову сразу двоим, – неинтересна для писателя – она и без него будет ясна для всех.

Так или иначе обращаюсь к Вам с глубокой просьбой – пожалуйста, ответьте мне. Все, сказанное Вами, меня крайне интересует. Кроме того, хочу обратиться к Вам за некоторыми указаниями – Вы не откажите.

Если Вас интересует – пришлю «Ошибка».

За Ваш ответ буду Вам несказанно благодарна.

С горячим приветом студентка МИФЛИ Л. Косоурова
Москва 24 Центральный проезд. Корпус 2а кв. 75
Елене Ивановне Косоуровой⁴¹.

Можно также допустить, что письма читательниц не повлияли на замысел рассказа «Испытание», и все истории независимы друг от друга. В любом случае, использован так называемый «бродячий» сюжет. Для военных рассказов было как раз характерно сочетание индивидуального творчества с установкой на передачу коллективного знания. Для придания своим произведениям эпического звучания, как бы голоса всего народа, широко использовались различные фольклорные приемы.

При первом знакомстве с рассказом «Испытание» ускользает факт, что повествование идет о событиях финской войны; кажется, что речь идет о Великой Отечественной войне: настолько точно пи-

---

⁴¹ Письмо хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 21–22 об.

сатель предугадал один из мощных эмоционально-нравственных обертонов искусства военных лет (литературы, драматургии, кино), выраженный как наказ в стихотворении К. Симонова «Жди меня», в рассказе А. Толстого «Русский характер» и др.

При выявлении спектра психологической проблематики обращают на себя внимание фольклорные истоки мотива испытания, который сопровождает окончательное воссоединение воина с семьей⁴², причем известны сказочные сюжеты, в которых муж нарочито испытывает жену, сообщая о всевозможных фиктивных бедствиях. Это знаменитый сюжет «Гризельда» («Терпеливая жена»), более распространенный в западноевропейском фольклоре, но известный и у нас. Жена восстанавливается в правах супруги лишь после стойко перенесенных (но совершенно искусственных) испытаний.

На первый план всех историй выходит содержание реакции женщин – на что они готовы пойти ради героя и готовы ли они принять его другим, изувеченным и изломанным судьбой. Этот мотив обретает завидное постоянство в русской литературе конца 1930-х и второй половины 1940-х гг. Прежде чем вернуться в семью, героини заставляют своих близких пережить ситуацию выбора между собой прежним и собой якобы изменившимся. Что является мотивацией подобных действий – представляет особый психологический интерес. Почему оказывается недостаточным простого возвращения после окончания войны?

Актуализация этого мотива заставляет предположить, что в данном случае война, как это часто происходит в фольклоре, используется как художественный знак, как символическая категория беды, некоего всенародного неблагополучия, равнозначного неназванной другой беде второй половины 1930-х гг. Советские люди глубинно осмыслили собственные сделки с со-

---

⁴² По наблюдениям В. Проппа, трудные задачи или загадки в народной художественной традиции являются условием брака или воцарения и чаще предшествуют ему. Однако задавание задач может происходить и после брака, и в таком случае оно носит характер испытания одного из супругов. Так, в сказке типа «Царевна-лягушка» царь задает женам своих сыновей различные задачи, что приводит к возвеличению пренебрегаемой всеми жены-лягушки. Обычно испытываемая жена проявляет необычайную мудрость и кротость, сметливость и находчивость.

вестью и эпохой и устанавливали границу допустимого компромисса, шла выработка этики выживания. Но для этого важно было быть уверенным в реакции окружающих, особенно самых близких людей, – каково им принять изуродованного человека. Придание этому изменению явных черт видимого увечья подчеркивало ассоциативные соотнесения со степенью уродства внутреннего. Рядом исследователей отмечен мотив «поврежденной вещи» в советской литературе⁴³. Неполнота тела – истинная или мнимая стоит в этом же ряду.

Ощущение внутренней увечности трансформировалось либо в самописание ложного ранения, если давалось представление о внутреннем психологическом состоянии героя, либо в изображение действительно героя-инвалида, если писатель пытался заглянуть в уголки собственной души. Вероятно, акт испытания как инициации в эти годы проходил почти каждый. Но не всегда человек его выигрывал, поэтому устраивал проверку своим близким – насколько они готовы простить его трусость. Конец 30-х гг. связан с серьезными испытаниями прежде всего для самих писателей, литературно-критическими гонениями на Платонова, Булгакова, Зощенко. Литература 1930–1940-х гг. ставила вопрос о пределе человеческих сил в столкновении с трудностями, способными разрушить в любом человеке всё.

Свидетельством того, что сложный психологический комплекс жестокости к окружающим Зощенко связывает с трусостью и нравственной несостоятельностью, является его работа в 1940–1941 гг. над вариантами рассказов о В. И. Ленине (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 1, ед. хр. № 115). Это три варианта рассказа «Ошибка»⁴⁴ с правкой. Сюжет выстраивается оппозиционно относительно общей ситуации в стране – Ленин признает свою

---

⁴³ Как отметил И. Смирнов, «...специальной советской гордостью было умение пользоваться поврежденными или неполноценными вещами. Сделанный из бревен подъемный кран в “Дне втором”, мост на неустойчивых деревянных опорах в “Хлебе” (по словам А. Н. Толстого, “первое советское чудо”), восхищение Павленко тем, как во время поездки по Америке Шостакович дал знать наших, исполнив вторую часть Пятой симфонии на эле живом рояле». – Смирнов И. П. Психодиахронология. М., 1994, С. 264.

⁴⁴ Один из вариантов рассказа был опубликован в журнале «Звезда» (1940. № 8–9).

ошибку перед молоденькой секретаршей. Ему противопоставляется некий начальник канцелярии, который в аналогичном случае не только не признал своей ошибки, но обвинил во всем беззащитную девушку. Заглавием «Ошибка» актуализируются не достоинства Ленина («у Ленина такой справедливый характер», л. 3), а именно сам факт ошибки, неверного действия, из которого предложено по ходу сюжета два выхода.

Через заглавие «Ошибка» происходит воссоединение контекстов указанного рассказа и рассказа «Испытание». Тот факт, что приведенное письмо Е. Косоуровой сохранилось в архиве Зощенко, свидетельствует о том, что писатель его читал, видел заглавие «Ошибка». Вероятно, для писателя было важно исследовать то семантическое поле, в котором знаковый комплекс понятия «ошибка» в конце 30-х – начале 40-х гг. был насыщен тщетной надеждой на мимолетность властного «беспредела» и скорое восстановление справедливости.

Исследование рукописей рассказа «Ошибка» (особенно динамики его правки) может дать интересный результат в сопоставлении с письмами читателей этого периода, в частности, реакцией на рассказ «Ошибка»:

Признаться в своей ошибке, не переложив ее на чужие головы, это, [пожалуй], самая прекрасная, и, пожалуй, самая редкая черта человеческого характера [которая, к сожалению, не у всех бывает. И тот ваш начальник канцелярии – просто мелкий и ничтожный человек. И, вдобавок, вероятно, трус. И вот почему он так поступил]⁴⁵.

В печатный вариант подобное соотношение трусости и неспособности признавать свои ошибки не вошло. Вероятно, лексическая частотность слова «ошибка», свойственная данной эпохе, делала слишком прозрачным осуждение «верховного начальника» за его «ошибку», что способствовало выявлению комплексов эпохи, через которые можно обнаружить базисное содержание народной ментальности, зафиксированное советской литературой этого периода.

---

⁴⁵ Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. № 501. Оп 1. Ед. хр. № 115. Л. 6.

Для Зощенко на первый план выходит комплекс определенных переживаний личности, связанных с анализом своего состояния в период сталинских репрессий, и в заглавие выносятся главный мотив – мотив испытания. Он возникает в определенной исторической ситуации, являясь средством защиты, «ограждения индивида от влияний окружающего». Для Зощенко, таким образом, важно отражение самого процесса существования личности в необычных общественных условиях.

Мотив испытания включается литературой этого времени в целый комплекс психологических проблем. Так, например, в 1943 г. Е. Шварц создает пьесу «Дракон», которая вскоре, после первой же постановки, была запрещена. В притче-сказке изображено общество, настолько привыкшее к власти Дракона, что жизнь без него стала казаться невозможной. И когда Дракон был сражен, испытание свободой люди не выдерживают, страх и привычка к насилию требуют нового дракона. По сути, преодолению страха посвящена и книга Зощенко «Перед восходом солнца», которая создавалась в годы войны. Сам писатель называл книгу антифашистской. Но главный пафос ее – в защите человека против озверения и, значит, против страха. «Устрашенные трусливые люди погибают скорей. Страх лишает их возможности руководить собой»⁴⁶. Так обнажается глубинная психологическая укорененность мотива испытания в факторе страха.

Исторический, литературный, эпистолярный контекст позволяет говорить о включенности произведений Зощенко в сложную психологическую проблематику эпохи, попытке исследовать глубинные деформации массовой психологии в экстремальных социально-исторических обстоятельствах (атмосфера тотального страха, лишений, войны). Письма читателей подарили определенные художественные средства, в том числе фольклорные сюжетные элементы, мотивы, образы, лексику. Они позволили писателю сочетать изображение масштабности происходящего явления с подтекстной прорисовкой индивидуального бытия.

Таким образом, эпоха задавала модели гражданского и творческого поведения, оно становилось частью текста, в рамках ко-

---

⁴⁶ Зощенко М. М. Повесть о разуме. URL: https://www.lib100.com/way/povest_o_razume/html/?page=57

торого людям удавалось не просто выживать, но еще и выражать свое отношение к происходящему. Рассмотренные письма и контекстные составляющие говорят об особой эстетической системе Зощенко, способной сочетать несколько планов и создавать смыслопорождающее пространство путем столкновения, перетекания голосов автора и его персонажа на фоне многочисленных аллюзий.